

Письменный стол был завален ворохом бумаг, исписанных неразборчивым почерком химическими формулами и сложными математическими расчетами. Сидящий за столом человек с худощавым морщинистым лицом отодвинул их в сторону, освобождая место, и положил подбородок на руку. Другая рука заканчивалась на уровне запястья.

Студенты университета давно перестали шептаться об отсутствующей кисти профессора. Они знали, что это следствие эксперимента: кисть, превратившуюся в безжизненную массу, пришлось ампутировать, чтобы спасти остальную часть руки. Но это было несколько лет назад — целая вечность в глазах новичков, которые заходят в аудиторию и впервые видят профессора Эддингера.

Он выглядел усталым — усталым и старым, как напомнил себе мысленно. Профессор закрыл глаза, чтобы не видеть эти бесконечные бумаги и обрубок руки,

положивший конец научным экспериментам и тонким манипуляциям, проделывать которые мог только он.

Эддигер медленно потянулся к звонящему телефону. Когда он услышал голос в трубке, его глаза вспыхнули живым огнем.

— Получилось! У меня получилось! — доносились из трубки почти бессвязные слова. — Профессор, это Эйвери! Эйвери! Вы должны приехать немедленно — я всем обязан именно вам... Вы первым увидите это... Я послал за вами такси.

Профессор улыбнулся: его юные подопечные редко выказывали такой энтузиазм. Но Эйвери... этот молодой человек с лицом поэта, глазами мечтателя и умом ученого — замечательный мальчик! Как давно они не виделись! Они вместе проработали в лаборатории Эддингера два года...

— О чем идет речь? — спросил он.

— Нет-нет! — ответил голос. — Не по телефону: слишком важное открытие. Важнее, чем асинхронный

двигатель, важнее, чем электричество, — это величайшее изобретение в истории. Такси должно уже подъехать — приезжайте обязательно...

Раздался стук в дверь, и водитель доложил: «Машина для профессора Эддингера», подтверждая слова Эйвери.

— Я буду. Сейчас иду, — ответил профессор.

В такси он задавался вопросом, чем могло быть это «величайшее изобретение». И с небольшой долей скепсиса надеялся, что энтузиазм ученика окажется оправданным.

Когда машина остановилась, дверцу распахнул молодой человек. Его лицо покраснелось, волосы были взъерошены, верх рубашки расстегнут.

— Ждите здесь, — велел Эйвери водителю и спешно повел старого ученого под руку в обветшалое здание.

— Лаборатория так себе, — заметил хозяин. — Но мы получим новую, намного лучше этой — вы и я, вместе...

Комната выглядела почти пустой и опрятной, как и можно было ожидать от лучшего ученика профессора. На полках стояли ровные ряды реагентов. А вот столы были завалены всяческими инструментами и битым стеклом.

— Рад снова видеть тебя, Эйвери. — Обычная нотка усталости исчезла из мягкого голоса Эддингера. — Насколько мне известно, эти два года ты занимался исследованиями. Что за великое открытие? Что ты изобрел?

Эйвери, чье лицо то бледнело, то краснело, а глаза, несмотря на темные мешки, свидетельствующие о напряженных днях и бессонных ночах, сияли, все еще не отпускал руки профессора.

— Это вправду работает. Это потрясающе! — воскликнул молодой человек. — Это сулит богатство и славу, в том числе и вам, учитель! — Эйвери нежно положил руку на тонкое плечо старика. — Всем этим я обязан вам. Теперь я сделал... я узнал секрет... Нет, лучше вы все увидите своими глазами. Подождите...

Он быстро подошел к столу, на котором стоял прибор; при виде его глаза старика округлились. Это был настоящий лабиринт из проводов и трубок. Сверху находилась стеклянная лампа — видимо, электронно-лучевая, — а по ее бокам и снизу располагались электромагниты. Под ними виднелась грубо сделанная сфера из толстого свинца — своего рода реторта, от которой вели два толстых изолированных кабеля. Профессор пробежался по ним понимающим взглядом. Один вел к клемме на стоящем на полу большом блоке угля, другой — к такой же изолированной клемме на блоке, зафиксированной в воздухе в нескольких футах над первой.

Дрожаящими пальцами молодой человек отрегулировал несколько параметров, после чего взялся за выключатель.

— Отойдите подальше, — предупредил он и щелкнул выключателем.

Из стеклянных трубок послышалось негромкое шипение, появился слабый сине-зеленый свет. С грохочущим треском, напоминающим удар молнии, между клеммами вспыхнула дуга белого пламени. Оба блока начали раскаляться. Одним движением руки Эйвери выключил прибор. Пламя потухло. Он заговорил с профессором, понизив голос:

— Вы еще не осознаете, что вы сейчас лицезрели, но здесь содержится громадный потенциал — энергия и власть, которые я, со своими ограниченными возможностями, не в состоянии измерить. — Юноша пренебрежительно махнул рукой, указывая на скучно оборудованное пространство лаборатории. — Но то, что вы сейчас видели...

Его голос задрожал, не в силах выговорить последнее слово.

— ...это распад атома, — тихо закончил за него Эддигер. — И высвобождение безграничной энергии. Ты использовал торий?

Молодой ученый посмотрел на профессора с удивлением.

— Мне следовало догадаться, что вы сразу все поймете, — ответил он застенчиво. — И вы знаете, что это означает. — Его голос снова стал громким. — Энергия, у которой нет пределов, сможет творить что угодно: гигантские корабли, которые могут плыть целую вечность на одной унции топлива; транспортную революцию; полную смену жизненного уклада... — Он выдержал паузу, после чего добавил благоговейным тоном: — ...и освобождение человечества. Это открытие переделает мир: оно создаст новый рай и новую Землю! О, какие у меня были мечты, какие приходили видения! И именно мне — мне! — уготована роль освободить человека от проклятия Адама... ему больше не придется трудиться в поте лица. Я пока даже не осознаю в полной мере всех последствий — я недостоин этого...

На морщинистом лице старого ученого не было ни крупинки радости, ни капли восторга. Усталые глаза смотрели на Эйвери и одновременно словно сквозь него, словно всматривались в далекое прошлое или будущее. В них была только печаль.

— Разве вы не понимаете? — спросил удивленный Эйвери. — Настала свобода человечества. Больше не будет бедности, не будет бесконечного изнурительно-го труда.

Его юный взор тоже всматривался в будущее, полное ослепительного света:

— Новая культура. Шанс для людей расти духовно, вместо того чтобы заниматься утомительной работой. Это новый мир, новая жизнь! Вы же видите все это, верно?

— Вижу, — ответил профессор. — Ясно вижу.

— Новый мир! — повторил Эйвери. — Это... это ошеломляет. В моих ушах словно музыка поет.

— То, что я вижу, — никакой не новый мир, — медленно произнес старый ученый.

Его юный коллега выглядел озадаченным.

— Вы не верите? — произнес он, запинаясь. — После увиденного... Я думал, вы поймете, поможете мне избавить мир от страданий, спасти его...

— Люди имеют привычку распинать своих спасителей, — устало ответил профессор.

Окончание следует

Перевод Евгения Никитина

